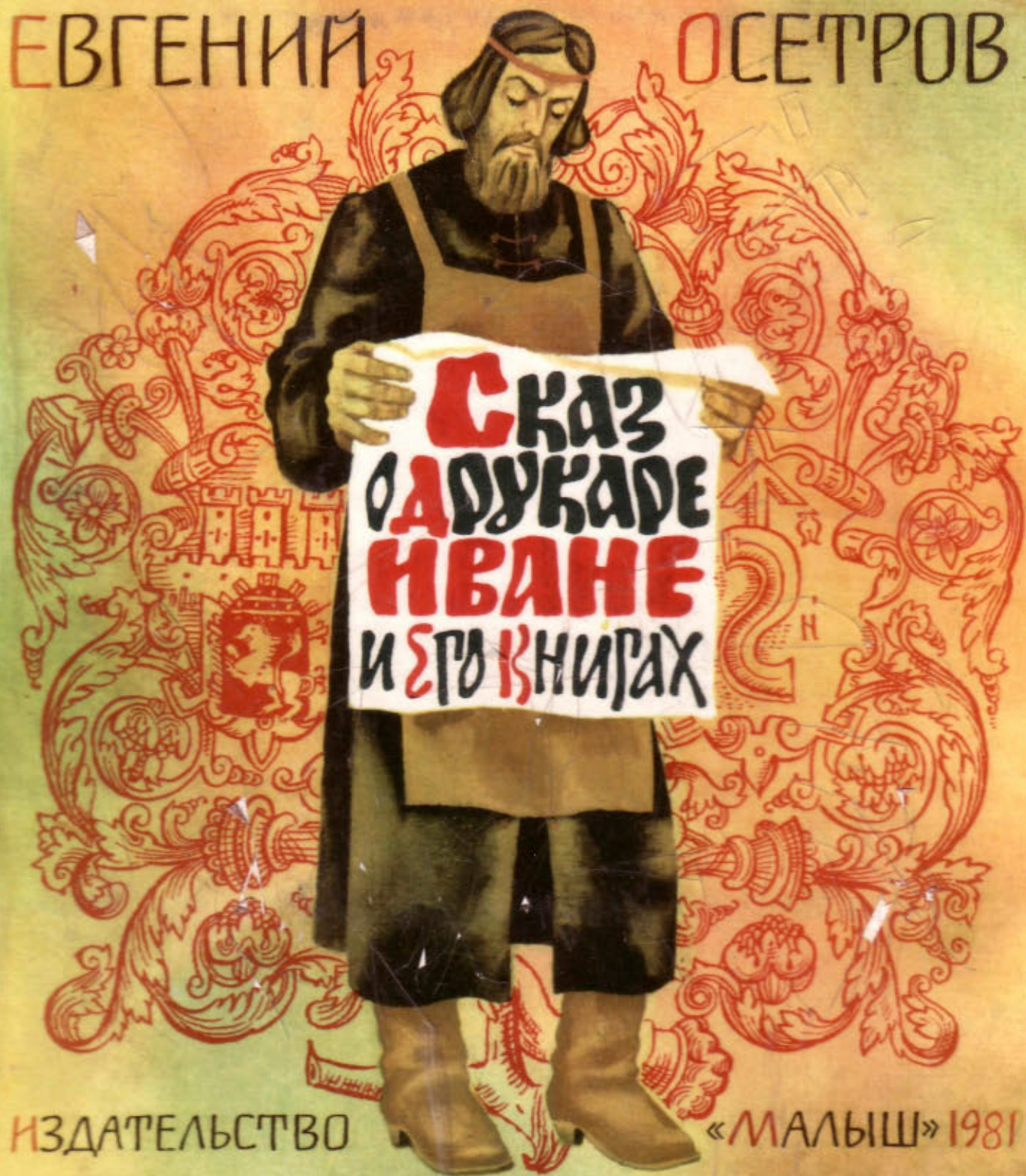

95 коп.

ЕВГЕНИЙ ОСЕТРОВ ♦ СКАЗ О ДРУКАРЕ ИВАНЕ И ЕГО КНИГАХ

ЕВГЕНИЙ ОСЕТРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«МАЛЫШ» 1981

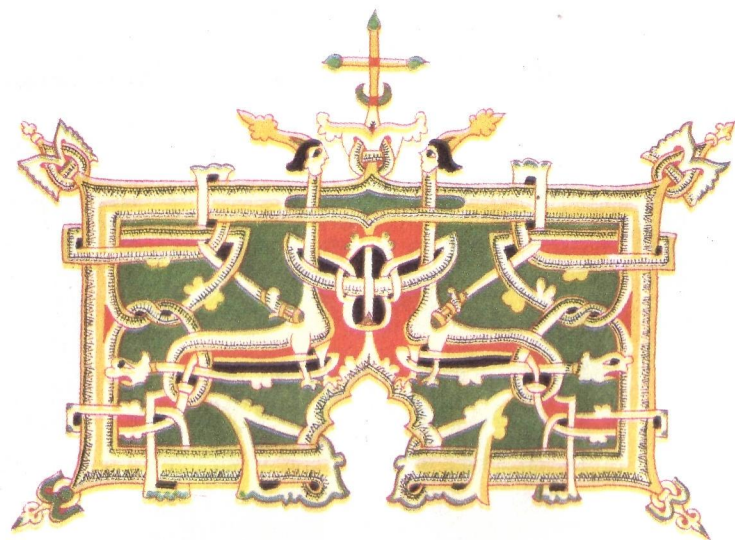
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МАЛЫШ»

Москва
1981

Под научной редакцией
Действительного члена Академии Наук СССР,
профессора А. А. СИДОРОВА

Книги—
реки,
наполняющие
Вселенную
мудростью
Похвала Книгам

К ЧИТАТЕЛЮ

Учение —
вот лучшее учение.

А. Пушкин

Книга — окно в мир. Откроешь страницу, другую — раздвинутся стены комнаты, станет видно далеко-далеко; услышишь голоса тех, кто жил давным-давно или кто теперь от тебя за тридевять земель, за лесами и морями.

Перелистаешь цветные картинки и увидишь, как старик тянет неводом золотую рыбку, как Робинзон Крузо строит хижину на зелёном необитаемом острове, как по

лесной дороге бредёт медведь на липовой ноге, на берёзовой клюке.

Обо всём на свете рассказывают книги. Ты можешь побывать, не выходя из комнаты, в жарких и холодных странах, в морских и подземных глубинах, подняться к звёздам, прогуляться по горам на Луне...

Ничто по могуществу не может сравниться с книгой, терпеливо ждущей тебя на полке. Ты ещё познакомишься с азбукой, учишь буквы, складываешь из них слова, а книга уже знает, что придёт день и час, когда ты откроешь её...

Протяни руку — и книга заговорит о том, что тебе предстоит узнать. Книга радуется и печалится вместе с тобой, она — надёжный друг, верный товарищ.

Потрогаем пальцами гладкий книжный корешок, спросим:

— Откуда взялось печатное творение? Кто его придумал? Давно ли? И какой была самая первая книга?

Обо всём этом и пойдёт наш сказ.

СЛОВО В ЖЕМЧУГАХ

*Эту книгу ни продать,
ни отдать нельзя.*

Подпись на старой книге

е надо думать, что книги всегда были такими, какими ты видишь их теперь перед собой.

В старину книги писались от руки. Работа подвигалась медленно. На изготовление одной-единственной рукописи-книги уходило иногда пять-семь лет. Писец должен был обладать чётким и красивым почерком. Каждая буква часто даже не писалась, а рисовалась. Подбирались тщательно чернила,

писали даже растворённым золотом или серебром. Начальную строку новой главы выделяли красными чернилами, отсюда и пошло выражение — начать с красной строки.

Для зачинки перьев — гусиных, лебяжьих, павьих — применяли ножички. А сделает писец ошибку, заметит и подчистит ножичком, покроет подчищенное место белилами и напишет вновь.

Разворот
Остромирова «Евангелия».

Переписанные листы украшали рисунками, одевали в переплёты из деревянных досок, обтянутых кожей, делали изображения-тиснения. На обложках помещали драгоценные камни, золотые или серебряные застёжки.

В старину любили говорить: «Книжное слово в жемчугах ходит».

Миниатюра
из гревнерусской
рукописной книги

Страница из «Букваря»
Кариона Истомина
(1664 г.)

Переписчики книг
(древнерусская миниатюра)

Миниатюра
из Остромирова
«Евангелия»

Действительно, книга стоила больших денег. Одну книгу можно было обменять на табун коней, стадо коров, на собольи шубы. Но и в ту пору книга ценилась больше не за украшения, а за то, что в ней написано. С благоговением люди произносили: «книжный свет».

Около тысячи лет назад в Киевской Руси, ещё при князе Ярославе Мудром, было переведено на славянский язык много заморских книг.

Сначала книги переписывались в Киеве и Новгороде, а затем начали переписывать книги и в других городах Руси — в Чернигове, Суздале, Владимире-на-Клязьме, Старой Рязани, Твери и, наконец, «книжный свет» пришёл в Москву.

* * *

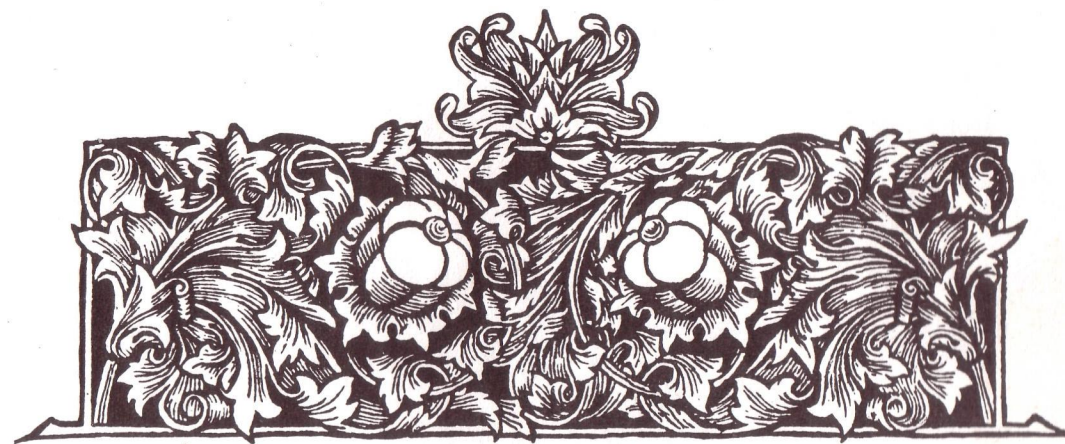
В златоверхом древнем Киеве, на крутом берегу седого Днепра, там, где возвышается Софийский собор, сидели писцы-переписчики и усердно выводили буквы.

Один из киевских летописцев написал восторженную Похвалу книгам. Её повторяли несколько столетий подряд и помнят в наше время:

«Великая польза бывает от книжного учения.

Книги — реки, напоющие Вселенную мудростью.

В книгах — несчётная глубина, ими мы в печали утешаемся...»

МОСКВА ДУМУ ДУМАЕТ

Книжная мудрость
подобна есть
солнечной светлости.

Старинная азбука

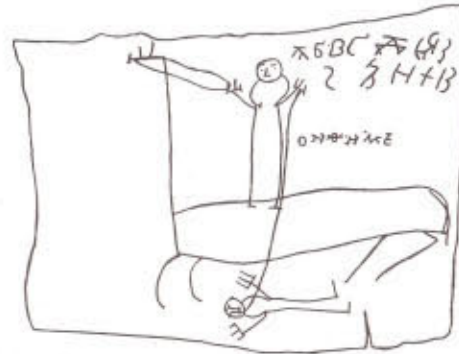

Визнь книги, как и жизнь человека, была полна опасностей. Рукописные творения гибли при нашествии врагов, в походах и странствиях, при пожарах, наводнениях и других бедствиях. Когда приближался неприятель, люди уносили за надёжные крепостные стены не только хлеб и воду, но и книги, — книги укрепляли, утешали, вселяли надежду.

Обучение грамоте
(древнерусская
миниатюра
из рукописного
«Жития Сѣргия
Радонежского»)

Рисунки
на бересте
мальчика Онфима
(XIII в.)

«Загнали за Можай», — говорили в Москве, и все понимали, что отброшен недруг за границу Московского княжества. От Можайска до Москвы — по нашим понятиям — рукой подать, всего сто с небольшим вёрст. Но тогда, в те времена, Можайск был крепостью, сторожевым городом. Не раз он спасал Московский Кремль и весь столичный град на семи холмах. С годами Московское княжество ширилось, богатело, присоединяло к себе всё новые и новые земли... Когда же Иван Грозный взял под

Портрет
Ивана Грозного

Въезд Ивана Грозного в Москву
после Казанского похода

*Иван Грозный отправляется в Ливонский поход
(с картины Г. Лиснера)*

свою властную, сильную руку в 1552 году далёкий город на Волге — Казань, а через несколько лет и город Астрахань, перед окрепшей Русью открылись необъятные просторы. Можно было теперь по реке Волге плыть к Хвалынскому морю — так раньше называли Каспийское. Малопроторёнными дорогами устремились землепроходцы за Урал-Камень, в Сибирь, богатую мехами, золотом и всяким иным добром.

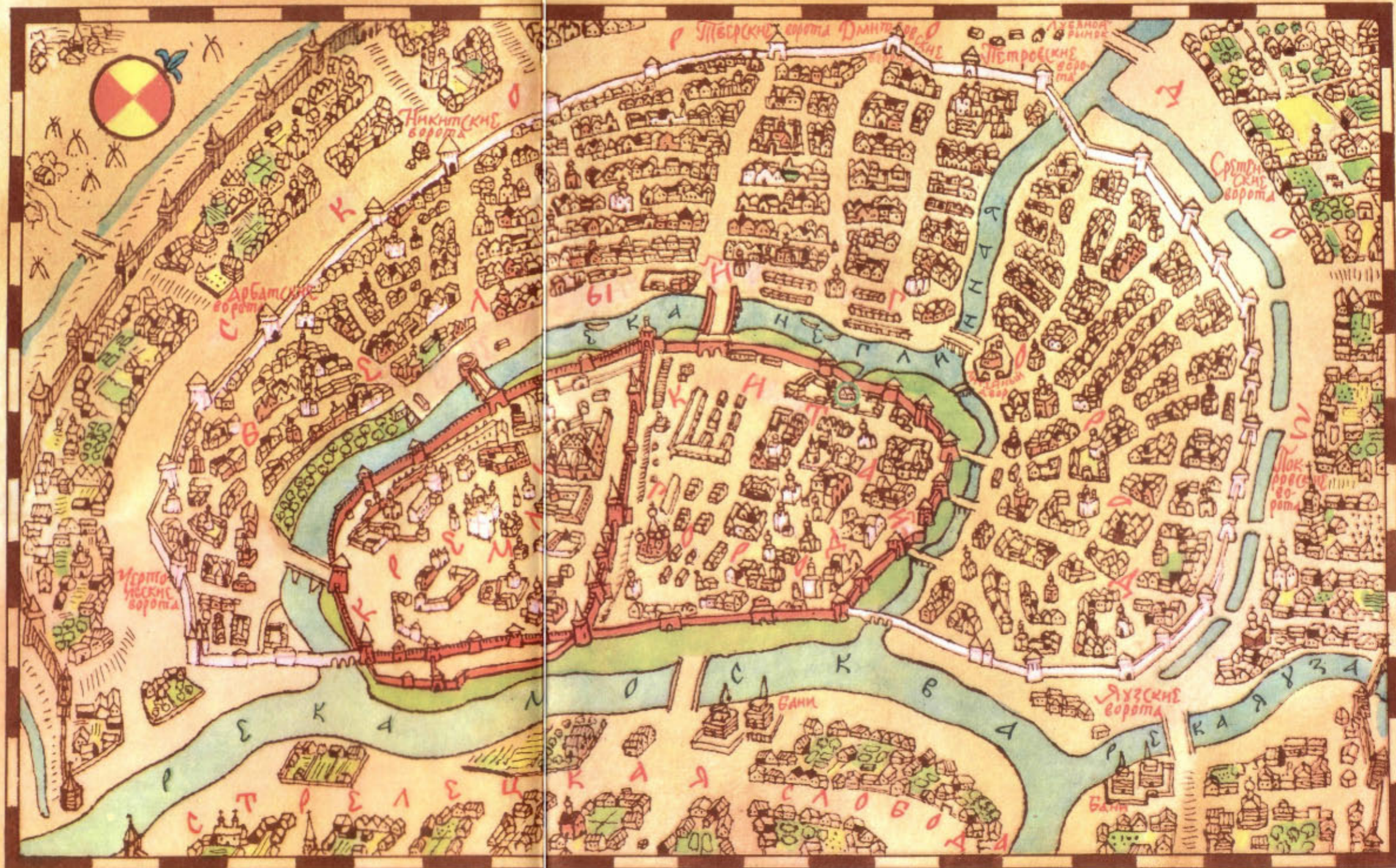

В новых землях, удалённых от Москвы на сотни и тысячи вёрст, понадобились книги — узнавать законы, отправлять службу, вести переписку, учить детей грамоте.

*Москва при Иване Грозном,
Красная площадь
(фрагмент картины А. Васнецова)*

ПЛАН
МОСКВЫ
в середине
XVI в.

* * *

С Востока и Запада, с Севера и Юга скачут в Москву гонцы за книгами, да где их взять?

Скрипит переписчик гусиным пёрышком, торопится, делает ошибки, пропуски— всё равно мало успевает.

Иван Грозный гневно говорил: «Писцы пишут с неисправленных переводов, а написав, не правят же, опись к описи (ошибка к ошибке) прибывает...»

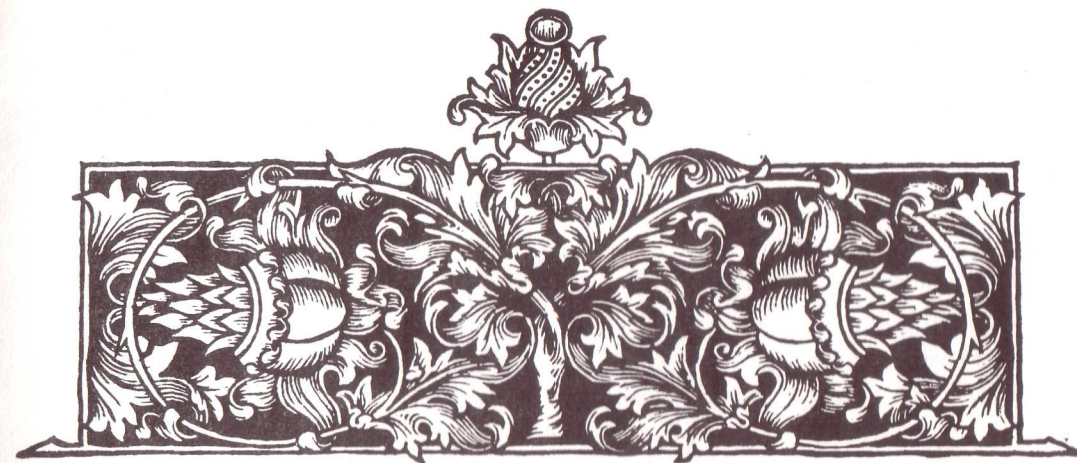
Москва строго-настрого указывала ближним и дальним землям, чтоб неисправных книг не продавать, не покупать, в церковь не вносить и по ним не петь.

Стали создавать артели переписчиков. Дело пошло намного быстрее, но рукописных книг всё равно не хватало.

Как быть?

Слали гонцов в Белокаменную за книгами...

Москва— всему голова— думу думает: где книг раздобыть?

ПЕРВЫЕ ТИПОГРАФЫ

*Книга— чудо,
созданное в печати.*

Старинное изречение

Ил славный немецкий мастер Иоганн Гутенберг. Родился он в городе Майнце, проживал в Страсбурге, а потом опять в родной Майнц переехал.

Увлекался Гутенберг ручной работой, постоянно что-то изобретал, мастерил, придумывал. Но больше всего отличился он тогда, когда придумал буквы-литеры и научился отливать их из металла,

набирать из них строчки и с помощью пресса от-
тискивать буквы на бумаге.

Теперь в этом нет ничего особенного, но тогда
это было диво дивное.

Гутенберг отлил несколько наборов букв-литер,
шрифтов, и начал печатать книги. Если переписчик
упорным трудом, скрипя по бумаге гусиным пером,
мог за два-три года изготовить десяток-другой

В типографии XVI в.
(по гравюре И. Аммана)

Словолитчик
(гравюра И. Аммана)

Портрет
Иоганна
Гутенберга

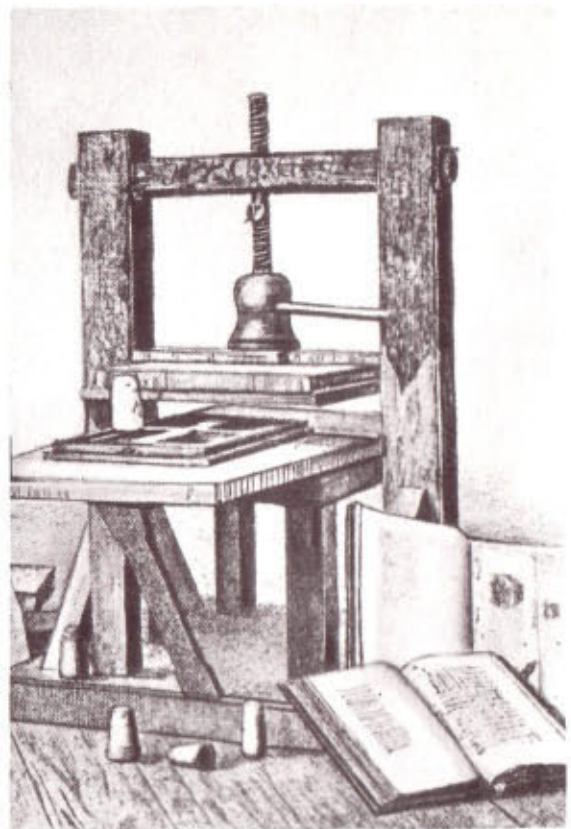
Incipit liber genesis qui uos genetim

A principio creauit deus celum **dixim?**
et terram. Terra autem erat inanis et
uacua: et tenebre erant super faciem abyssi:
et spiritus domini ferebatur super aquas. **Dixit**
deus: **fiat lux.** Et facta est lux. **Et uidit**
deus lucem quod esset bona: et diuisit lucem
a tenebris: appellauitque lucem diem et
tenebras noctem. **Factumque est** uespere et
mane dies unus. **Dixit** quoque deus: **fiat**
firmamentum in medio aquarum: et diui-
det aquas ab aquis. **Et fecit** deus firmamen-
tum: diuisitque aquas que erant
sub firmamento ab his que erant super
firmamentum: et factum est ita. **Vocauitque**
deus firmamentum celum: et factum est uespere
et mane dies secundus. **Dixit** uero deus:
Congregentur aque que sub celo sunt in
locum unum et appareat arida. **Et factum est**
ita. **Et uocauit** deus aridam terram:
congregatio uespere: aquas appellauit
maria. **Et uidit** deus quod esset bonum: et
ait. **Emergent** terra herba uirentium et
faciant semina: et lignum pomiferum faciens
fructum iuxta genus suum: cuius sonus in
seu scripto sit super terram. **Et factum est** ita. **Et**
perculit terra herba uirentium et facient
sonus iuxta genus suum: lignumque faciens
fructum et habens uniuersos semines secundum
speciem suam. **Et uidit** deus quod esset bonum:
et factum est uespere et mane dies tertius.
Dixit quoque deus: **fiant** luminaria
in firmamento celum: et diuidant diem ac
noctem: et sint in signa et tempora et dies et
annos: ut luceat in firmamento celum et
illuminet terram. **Et factum est** ita. **Speciesque**
deus duo luminaria magna: luminare
maius ut pelleret diem et luminare minus
ut pelleret noctem et stellas: et posuit eas in
firmamento celum ut luceant super terram: et

pellent diem ac noctem: et diuidebant lucem
ac tenebras. **Et uidit** deus quod esset bonum:
et factum est uespere et mane dies quartus.
Dixit etiam deus: **Producant** aque reptile
anime uiuentis et uolante super terram:
sub firmamento celum. **Et creauitque** deus cete
grandia: et omne animam uiuentem aere:
mouibile quam produxerat aque in speciebus
suas: et omne uolante secundum genus suum.
Et uidit deus quod esset bonum: **benedixitque**
eis dicens. **Escaute** et multiplicamini: et
replete aquas maris: auelisque: multiplicati-
entur super terram. **Et factum est** uespere et
mane dies quintus. **Dixit** quoque deus: **Pro-**
ducat terra animam uiuentem in genere suo:
iumentum et reptile: et bestias terre secundum
species suas. **Factumque est** ita. **Et fecit** deus
bestias terre iuxta species suas: iumenta
et omne reptile terre in genere suo. **Et**
uidit deus quod esset bonum: et ait. **Facia-**
mus hominem ad imaginem et similitudinem
nostram: et preter pisces maris: et uola-
tilibus celi: et bestiis uniuersisque: terre: omni-
que: repleri quod mouetur in terra. **Et creauit**
deus hominem ad imaginem et similitudinem
sua: ad imaginem dei creauit illum: ma-
sculum et feminam creauit eos. **Benedixit**
quoque illis deus: et ait. **Escaute** et multiplica-
mini: et replete terram: et habitate eam: et domina-
mini pisces maris: et uolacilibus celi:
et uniuersis animantibus que mouentur
super terram. **Dixit** quoque deus. **Fecit** dedit uobis
omnem herbam afferentem semina super terram:
et uniuersa ligna que hinc in seu scripto
seminant genus suum: ut sint uobis in escam
et cunctis animalibus terre: omni-
que: uolucrum celi: et uniuersis que mouentur in terra: et in
quibus est anima uiuentis: ut habeant ad
uescendum. **Et factum est** ita. **Uidit** quoque deus
cuncta que fecerat: et erat valde bona.

Лист из 42-строчной «Библии» Иоганна Гутенберга

Печатный станок Иоганна Гутенберга (реконструкция)

На этом месте в городе Майнце стоял дом, в котором жил Иоганн Гутенберг

рукописных книг, то у Гутенберга дело пошло быстрее, да и книги стоили дешевле рукописных. За несколько дней или недель можно было изготовить десятки и сотни совершенно одинаковых книг.

Поначалу, правда, печатали только слова — текст, а украшения ещё рисовали от руки. Потом научились печатать вместе с текстом и картинки.

Портрет
Франциска
Скорины

Буквицы
изданий
Франциска
Скорины

Первые печатные издания очень напоминали по внешнему виду рукописные книги.

Вскоре печатни-типографии появились и в Италии, и в Чехии, во Франции, в Англии, Польше...

В славянских землях печатным делом прославился доктор Франциск Скорина. Был он родом

Титульный лист
из «Библии русской»
Франциска Скорины

Гравюры на дереве
из книги Франциска Скорины

КАРТА
ЕВРОПЫ
в середине
XVI в.

из города Полоцка — почитался первым книжным печатником в Белоруссии и Литве.

Любил Скорина науки (учился в двух университетах), многое знал и умел. Сам же переводил, сам украшал свои книги, сам печатал. В этих изданиях видел он «вечную память и славу свою».

Были и другие славянские печатни. В Южной Европе, на Балканском полуострове, в далёкой славянской стране Черногории, захваченной турками, в городе Цетинье, в 1493 году удалось начать выпуск печатных славянских книг. Когда иноземные угнетатели помешали этому делу, то печатню перенесли в город Венецию. Иногда книги из Венеции доходили и до Москвы.

ЗАБОТА ГОСУДАРСТВЕННАЯ

Книжное Слово —
Свет Дневной

Старинное изречение

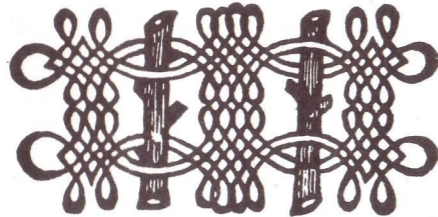

Иностранные послы, купцы, монахи привозили иногда с собой в Москву белокаменную книги. В Кремлёвских палатах у Ивана Грозного находилась обширная библиотека славянских сочинений, рукописных книг на греческом, латинском и других языках.

Московский митрополит Макарий, живший в пору Ивана Грозного, приказал собрать книги, ходив-

малого формата расходились по всему миру. В Венеции, рассказывал Максим Грек, печатались книги на многих языках, иногда — и на славянском. Почему бы и Москве не обратиться к заманчивому способу?

Сначала хотели печатать книги на славянском языке в чужих землях. Но прикинули — далеко, да и возить трудно, дорого, неудобно. Не завести ли, мечталось, печатню в самой Москве? Но кто этим займётся? Кому это по плечу? Где такого человека отыскать?

ИВАН ФЁДОРОВ

Духовные семена
надлежит мне
по свету рассевать.

Иван Фёдоров

Иашёлся такой человек. Звали его — Иван Фёдоров. Слыл он в многолюдной Москве книжником. Трудно было отыскать в кремлёвских храмах и теремах сочинение, которое бы он не знал. Митрополит Макарий, проведший долгую жизнь среди книг, художников и писцов, видел, что дьякон Иван Фёдоров, как воин оружием, украшен премудростью. Отличал его Макарий более всех, даже

царю Ивану Грозному о нём говаривал, что Иван Фёдоров хитр (способен), разумен и смышлён.

А какие руки были у Ивана Фёдорова — быстрые, сильные, проворные, — любоваться не налюбуешься. За что ни возьмётся — всё у него получается. Писал Фёдоров быстро и красиво — самых лучших писцов брала зависть. Мог Иван любую букву затейливо начертать на бумаге, резал на досках изображения — гравюры. Пристрастился из Кремля ходить к Неглинной, на Пушечный Двор и научился там литейному делу... Словом, не было работы, которую бы не сумел и не смог бы сделать Иван Фёдоров.

Памятник
Ивану Фёдорову
(фрагмент)

СВЯТЫЙ СВЯТЫЙ СВЯТЫЙ

Образец
древнерусской вязи

Долгой зимней ночью зажжёт Иван светильник-лампаду, очинит гусиное перо, положит перед собой книгу и начнёт её переписывать. Гудит метель в маленькое слюдяное окно, ветер поёт в печной трубе, а Иван Фёдоров выводит букву за буквой, тщательно рисует узоры, читает и перечитывает слова. Одним ударом и дерева не срубить, а чтобы

переписать «Пчелу» или «Золотую Цепь» — так называли старинные сборники — надо не разгибать спину несколько месяцев. Нелегкая работа, зато книга получается на славу. От строчки к строчке бежит рука; думает Иван о том, что дятел и дуб продалбливает. Не жаль бессонных ночей, а жаль тех, кто книг не имеет.

На Крестце
в Китай-городе
(художник
А. Васнецов)

ат 3 (челу)

На Крестце в Китай-городе

Лист с заставкой
из рукописной книги

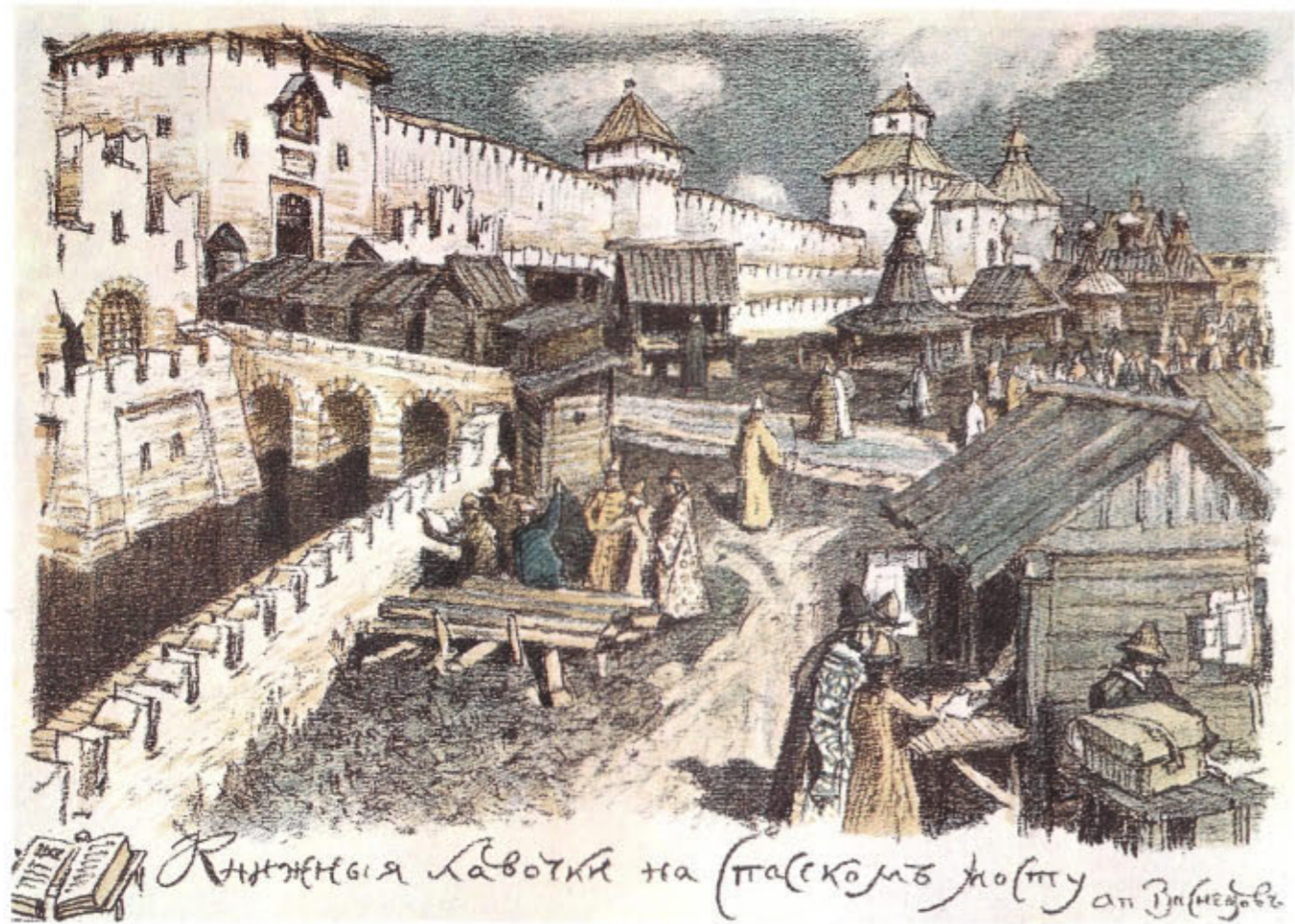

Лист с заставкой
из рукописного «Евангелия»

Когда же Иван Грозный решил завести в Москве Печатную избу, то новое и трудное дело поручили Ивану Фёдорову с его содружниками. Никто не удивился этому выбору.

В народе про Ивана Фёдорова тогда так и говорили: хитрец, то есть такой умелец, что и в чужих землях не сыскать.

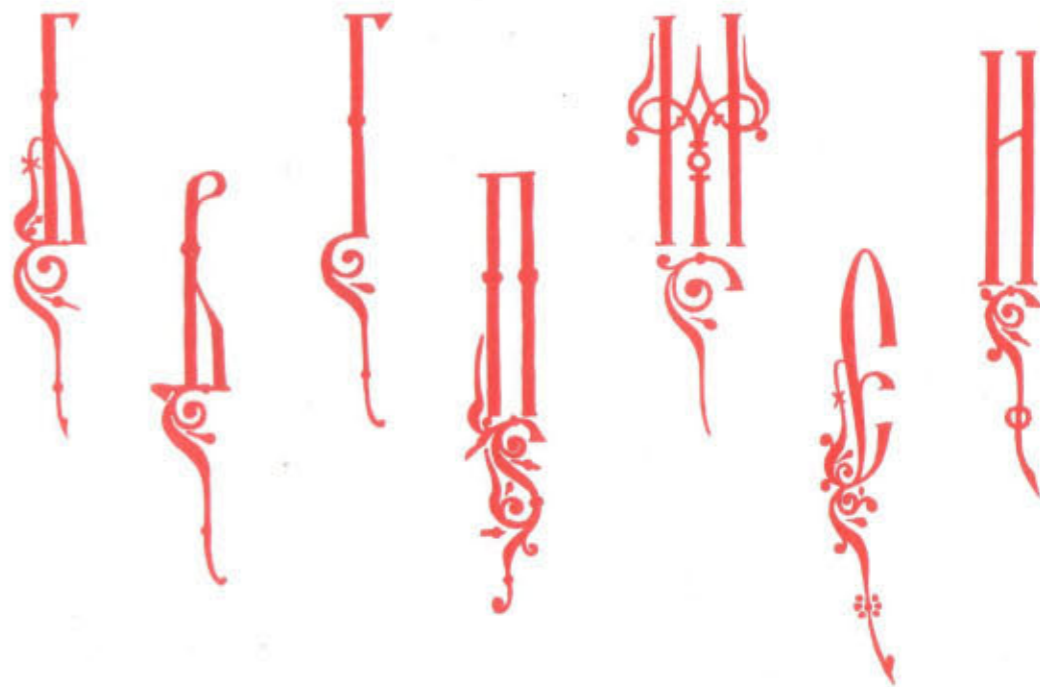

Книжные лавочки на Спасском мосту
 (художник А. Васнецов)

Прежде чем пройти на многолюдную Никольскую улицу, что ведёт на Красную площадь, Иван Фёдоров встал на зелёном пригорке и посмотрел вдаль, туда, где за Неглинной-рекой синели леса. Иван Фёдоров смотрел на чистую, как слеза,

воду, а перед глазами его возникала сказочной красоты Книга. Никто её ещё не писал. Родные славянские буквы, привычные для слуха слова, но вся Книга — на новый образец. Над ней не сидел согбенный переписчик. Она не привезена из-за тридевяти земель. Она — своя, родная, близкая. Московская. Её — оттискивают, печатают... Всего несколько часов — и вот уже две, десять, двадцать, сто, двести совершенно одинаковых книг. Книги

Буквицы (инициалы)
 из «Апостола» Ивана Фёдорова

укладывают на возы весёлые, добрые молодцы, и едут книги по дорогам — Казанской, Тверской, Владимирской...

Но это только сон. Неужели такое возможно? Неужели одна печатня сотни писцов заменит? И он, Иван Фёдоров, за один день сделает то, чего не смогут переписчики книг за всю осень и долгую зиму?

И пойдёт книжная слава Москвы, и потекут реки мудрости по всем краям земли российской.

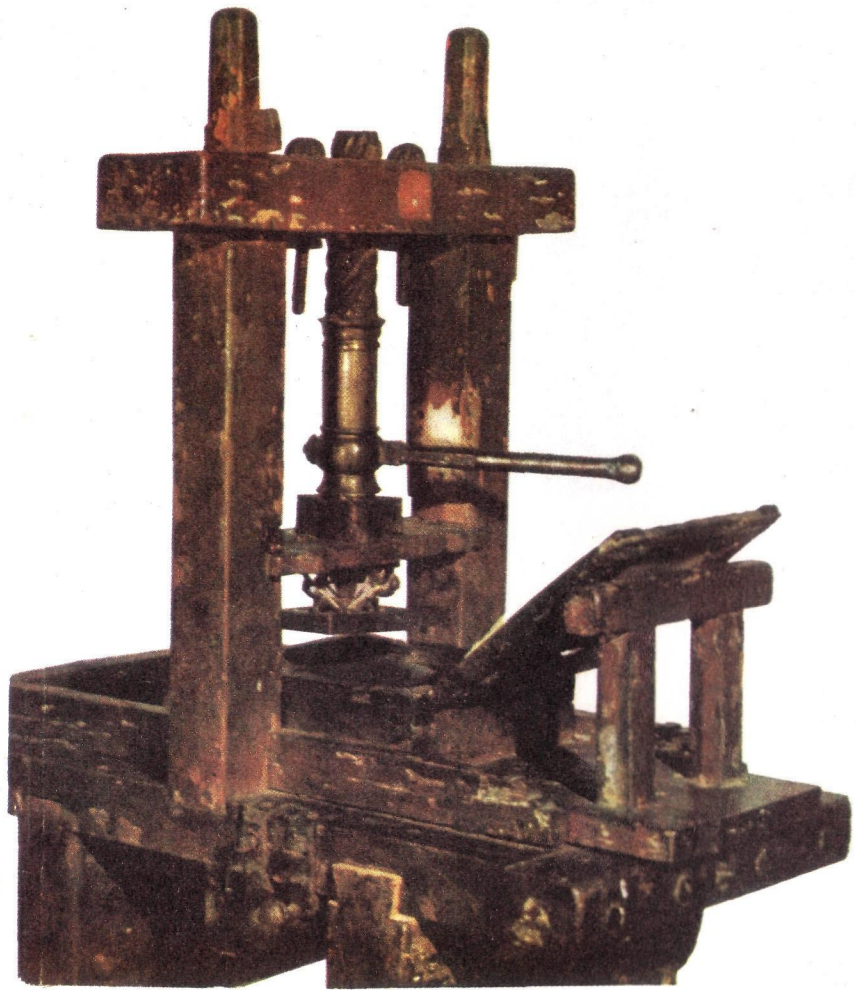
НАЧАЛО

*Доброе начало —
половина дела.*

Поговорка

Скоро только сказка сказывается... Много лет ждал Иван этого дня. О нём мечтал, когда при свете лучины срисовывал долгими зимними ночами затейливые буквы — одна краше другой — со старых рукописных книг. Денёк этот виделся, когда Иван резал доски для гравюр-рисунков, отливал литеры-буквы, шрифты из металла, мастерил из дерева печатный станок. Последний

*Печатный станок
времён Ивана Фёдорова
(реконструкция)*

был самого простого устройства — давило да выдвижная доска, на которой помещалась рама с набором, текстом. Когда нажимали рычаг, то давило опускалось на раму с набором, покрытым краской. На влажной бумаге, положенной между давилом и набором, получался оттиск — отпечатанная страница.

В голубизне весеннего неба сияли золотые маковки кремлёвских соборов и теремов.

За Неглинной, над проталинами, звенели жаворонки.

В избе пахло оловом и свинцом.

Много недель пришлось потрудиться над отливкой литер-букв, шрифтов. Когда их оттискивали на бумаге, то они не отличались от тех, что писались рукой.

Много труда ушло и на изготовление разнообразнейших заставок, рисунков большого и малого размеров.

*Буквицы, заставки, концовки
из книг Ивана Фёдорова*

Рисунки изображали и кедровые шишки, и ди-ковинные плоды — ананасы, маковые головки, вино-градную ливству.

Взял страницу Иван Фёдоров, оттиснул на ней узор, вырезанный на доске и смазанный чёрной краской. Потом оттиснул украшения, всё, что надо было напечатать для красоты красной краской. Дальше шли буквы более мелкие.

Вот и готова первая страница!

Украшения
из книг
Ивана Фёдорова

Иван Фёдоров внимательно просмотрел и прочёл её сам, потом дал прочитать лист Петру Мстиславцу, потом остальным помощникам, собравшимся в избе. Хорошо!

Не успел Иван Фёдоров налюбоваться делом своих рук, как во дворе раздался шум. Все бросились к окну и увидели возле ворот всадника в со-больей шапке, соскочившего с коня. Двор заполнили повозки, и в Печатную избу вошли митрополит

Иван IV
в типографии Ивана Фёдорова
(с картины художника Г. Лиснера)

Макарий и царь Иван Васильевич, опирающийся на костяной посох. Остановились возле печатного станка.

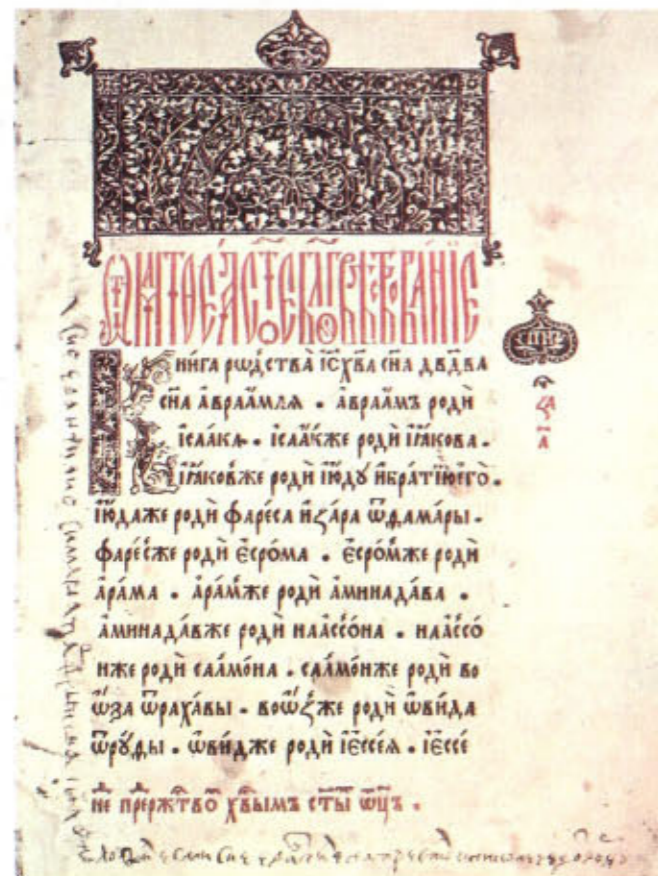
Иван Грозный взял в руки свежий, ещё пахнувший краской оттиск и долго держал его перед глазами. Потом передал оттиск Макарию. «Понравилось», — подумал Иван Фёдоров и с облегчением вздохнул.

Книга — она называлась «Апостол» — выглядела внушительно и красиво. Она ещё очень напоминала рукописную книгу: по буквам, и по рисункам, и по заставкам-концовкам.

Стопы книг, тщательно сложенные на столах, говорили о том, что «Апостол» отпечатан на станке.

Каждая книга не отличалась от другой. Будто сотня старательнейших писцов трудилась несколько лет.

Лист с заставкой из анонимного «Евангелия»

Лист с заставкой из анонимного «Евангелия»

Разворот из книги «Апостол» (1564 г.)

Это случилось в 1564 году.

Этот год и почитается началом московского да и всего русского книгопечатания.

Несколько книг, никак не помеченных, были в Москве напечатаны раньше. На их выпуске стольный град учился новому делу. В народе говорится: первый блин комом. Первые пробы были школой

для будущих мастеров. «Апостол», созданный Фёдоровым и его содрузгами, и ныне поражает своим торжественным видом.

Среди первопечатников кроме Ивана Фёдорова и Петра Мстиславца самым способным грамотеем и знающим дело человеком был Андроник Тимофеев. Его все уважали за быстроту и смекалку. Прозвали же в шутку — «Невежей». Всем было известно о больших знаниях Андроника, и когда называли его — Невежей, то все улыбались — шутка есть шутка. Пройдёт несколько лет, и Андроник станет самостоятельным мастером, продолжит дело Ивана Фёдорова.

НЕСПОКОЙНОЕ ЖИТЬЁ

*Будь грамотен,
Да памятен.*

Поговорка

После выхода «Апостола» стал Иван Фёдоров со своими подручными готовить к изданию новую книгу.

Это был «Часовник».

Но беспокойно было в Москве. Простой люд волновался, терпя притеснения со всех сторон.

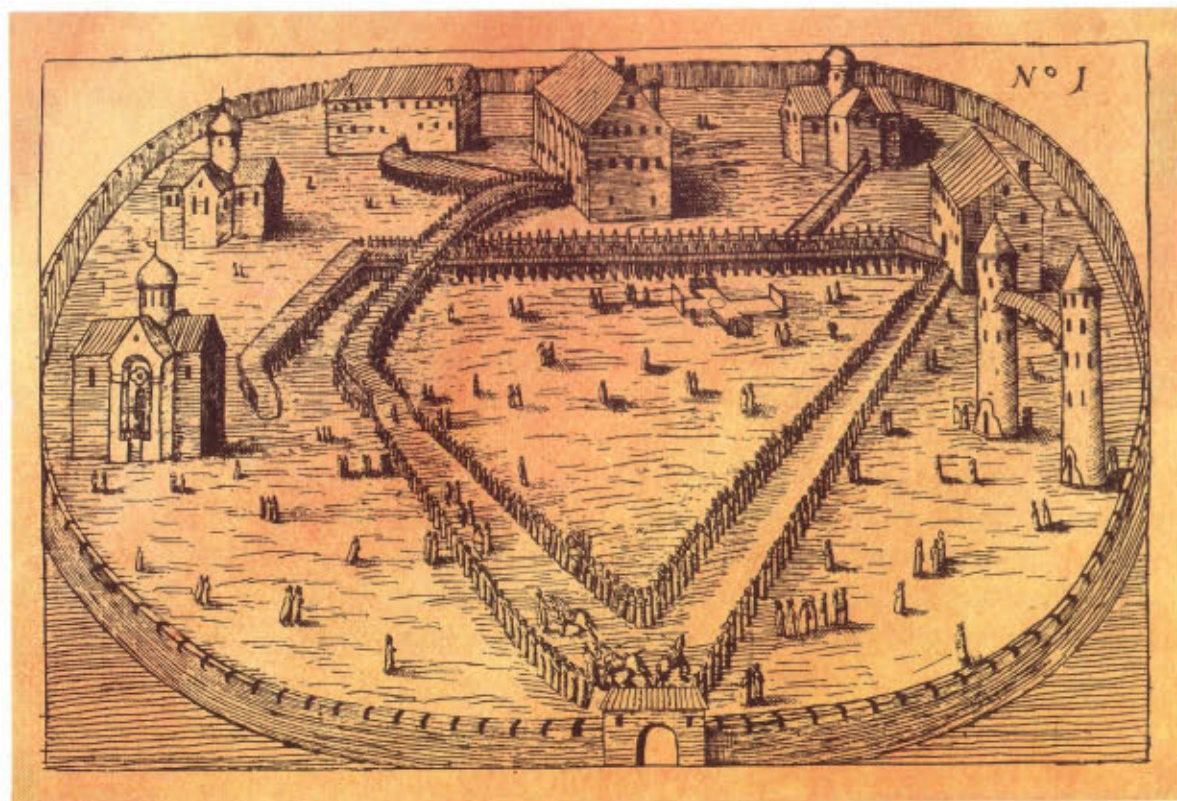
Иван Фёдоров, наделённый умом, талантом и трудолюбием великим, верил — книги его подобны

золотым трубам. И возвестят они на четыре стороны света необходимость согласия и добра.

Но его работа не могла радовать писцов-подьячих, что добывали себе денежку на хлеб и квас перепиской книг.

Когда был жив митрополит Макарий, лукавые подьячие помалкивали, зная, что Макарий не даст в обиду Ивана Фёдорова. А как умер Макарий, так и пошёл гулять шепоток, что Печатная изба — дело «недоброе».

*Александрова слобода
(Общий вид. Старинная гравюра)*

Недруги давно бы к Печатне подобались, да боязно им было — царь скор на расправу.

А тут случилось, царь повздорил с боярами и уехал из Москвы в Александрову слободу.

Тёмными ночами жуткие мысли овладевали Иваном Фёдоровым. Казалось ему, что костром вспыхивают книги, а ведь ими одними он только и жив.

Вспомнилось Печатнику: читал он в древней повести, что в тяжкую пору надо быть мудрым, как змий, сильным, как лев, быстрым, как птица.

*Царский приём в Александровой слободе
(старинная гравюра)*

Одно из поздних изданий Ивана Фёдорова

Стараясь не обращать внимания на то, что творилось в Москве, Иван Фёдоров продолжал своё дело, торопился.

Когда напечатали «Часовник», мастер даже поцеловал книгу и сказал: «Думал, не успеем закончить...»

Выглядел «Часовник» беднее, чем «Апостол», но всё равно печатные буквы с гордостью сообщали: «Окончена эта книга подвигами и тщанием, трудами и снисканием...»

Фасад древнего печатного двора в Москве

*Иван Грозный
ведёт диспут
на Лобном месте
(с картины А. Шарлемана)*

*Портрет
Ивана Грозного
(художник В. Васнецов)*

Если «Апостол» выпускали год, то на «Часовник» ушло всего два месяца.

По «Часовнику» учили тогда детей грамоте: буквари были только рукописными и достать их, купить, было почти невозможно.

«Часовник» стал в то время книгой для многих.

Но в сердце жила тревога. Не знали, когда и откуда ждать беды.

По Москве ходили слухи о разбоях, поджогах, боярской измене...

На Никольской улице истошно кричал кто-то ночью, что де Печатный двор давно пора спалить, а печатников отдать воронам на съедение...

Куда жаловаться? Да и кому? До царя далеко, до ворогов близко.

Помощники Ивана Фёдорова волновались. Да и было из-за чего! За новое дело боялись больше, чем за собственную жизнь — ведь если погибнут литеры-буквы, то прощай Печатня, ни одной страницы, ни одной строки не наберёшь...

Молодой и дерзкий Андроник Невежа предлагал идти в Александрову слободу искать защиты у царя. Но до слободы почти пять дней пешего пути, да и какой приём там будет? Угодишь в руки опричников. У них же разговор короткий — вмиг расправятся...

И решил Иван Фёдоров вместе с малолетним сыном и с Петром Мстиславцем ехать в Литву, где жило много русских, украинцев, белорусов — все они нуждались в «книжном свете». Там и спокойнее,

и дело можно лучше наладить. Да и польза «всему будет великая».

На рассвете обошёл Иван Фёдоров Кремль, постоял на Печатном дворе, простился с ним, как с родным домом. Не мог знать Первопечатник, что видит кремлёвские соборы, да и Москву-реку в последний раз.

В путь собирались тщательно. Уложили литеры-буквы, резные доски, краски и всё, что для дела необходимо.

Андроник Невежа решил переждать лихую годину в Москве, а там попытать счастье-удачу, пойти в Александрову слободу.

Многое из своего типографского хозяйства Иван Фёдоров оставил Андронику.

ДРУКАРЬ ИЗ МОСКОВНИ

*Узкая сторона —
дремучий бор.*

Поговорка

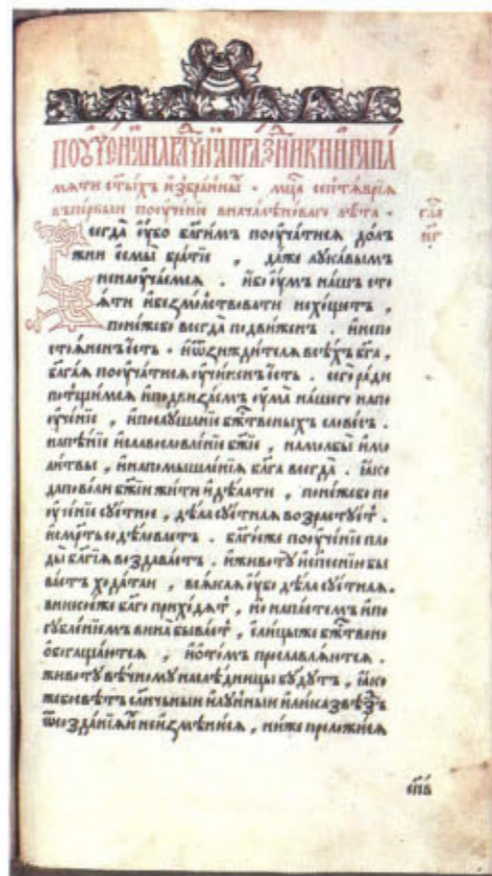
Лороги узенькими цепочками пролегли через непроходимые леса. Ехавшему на подводе с имуществом приходилось опасаться всего — и лихих людей-разбойников, и непогоды, и бездорожья. Больше всего тревожила Ивана Фёдорова мысль о том, как примут в далёкой Литве. Пётр Мстиславец успокаивал содруга, что и в Литве тоже есть люди, чтящие славянскую книгу.

На чужбине незнакомца встречают по одежке. Но для Ивана дорог был не нарядный кафтан, а его типографское дело. Слава же о золотых руках мастера-друкаря докатилась из Московии до Литвы. Ивана здесь начали уважительно именовать, помня о его московских печатных делах, Иваном Москвитиним.

Фрагмент из Учительного «Евангелия» Ивана Фёдорова с гербом князя Ходкевича (Заблудов. 1569 г.)

Страница из Учительного «Евангелия»

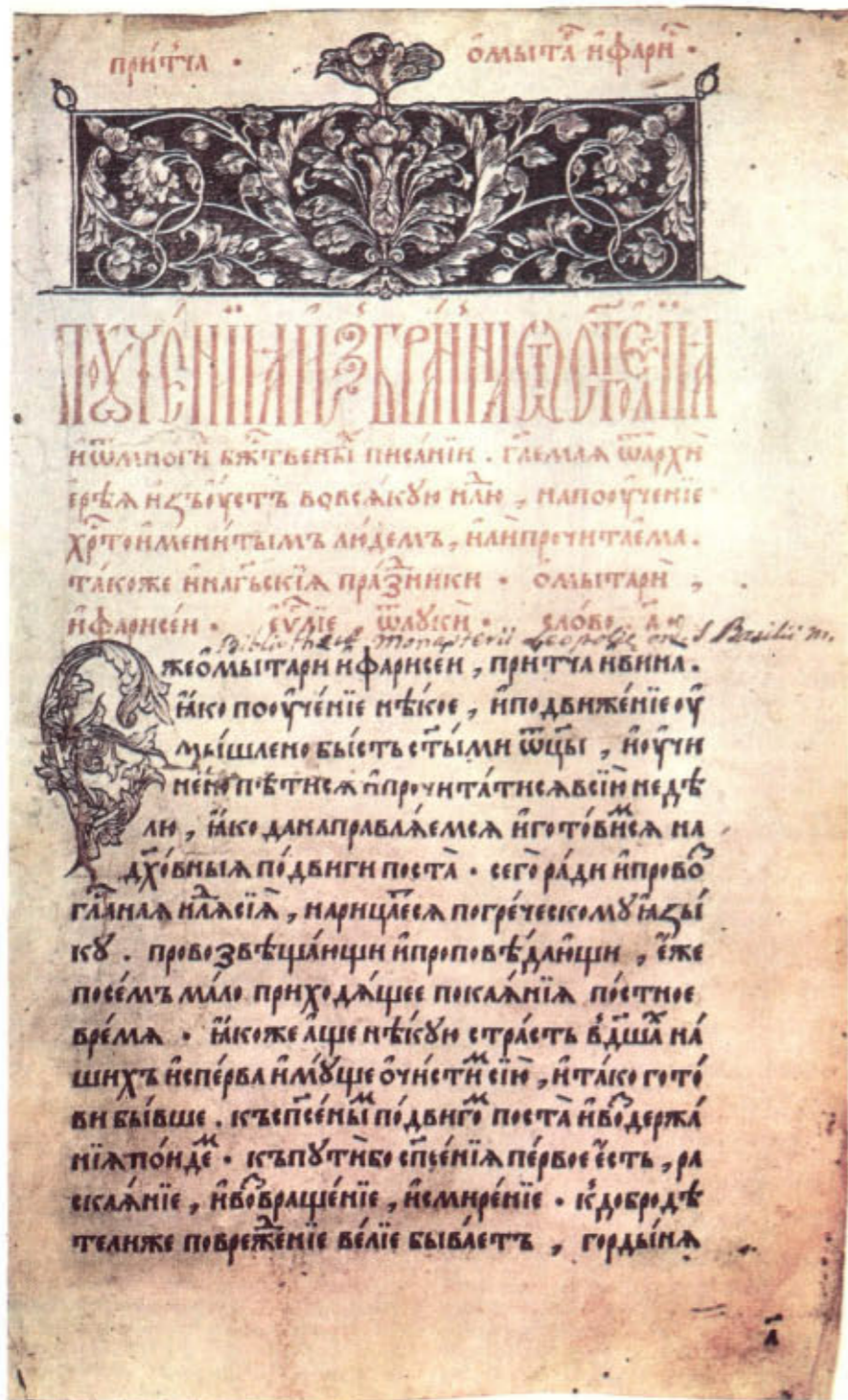

Разворот из Учительного «Евангелия» Ивана Фёдорова, напечатанного в Заблудове

Печатню же местные люди называли друкарней. И стал Иван Фёдоров Печатник — Иваном Друкарём Москвитиним.

Ивана Друкаря ласково принимал и беседовал с ним сам король Сигизмунд Август. Пришельцев из Московии приютил старший воинский начальник — гетман Григорий Ходкевич, решивший в своём имении Заблудове, что возле города Белостока, основать друкарню-печатню.

Герб
города Львова

Лист
из Учительного «Евангелія»

Московские типографы нашли приют и поддержку, взялись горячо за работу. Целыми днями возились они с родными славянскими буквами, вчитывались в набираемые слова.

Иван постепенно успокоился и охотно показывал книги, привезённые из Москвы.

Григорий Ходкевич увидел, что Иван — великий мастер, и подарил ему «немалую весь», то есть большую деревню.

Не мог жить Друкарь без любимого дела — оно стало дороже жизни. Недаром стремился Иван Фёдоров «рассеивать духовные семена и всем по чину давать духовную пищу».

И когда у гетмана худо пошли дела, пришлось ему закрыть печатню — она требовала больших расходов.

Что делать Первопечатнику?

И снова сложил он свой скарб домашний и типографское имущество и отправился в дорогу, в богатый и славный город Львов.

Словно милостыню, вымаливал Иван Фёдоров деньги у горожан на печатню: богатые отказали, бедняки поддержали. И на собранные деньги заводит Москвитин-мастер печатню во Львове в 1574 году. С этого года началось украинское печатание.

Много волнений пришлось испытать Первопечатнику на чужбине, но знал Иван Фёдоров, что здешним простым людям он не «сѣдьяма вода на киселе», как говорит старая пословица, а нужный, полезный человек. И с энергией брался Москвитин

за новые дела, приговаривая: «Был чужак, стал свояк».

* * *

Довелось мастеру побывать и в далёких странах: и в зелёной Валахии, и в людном польском городе Кракове, и у подножия Альп, и на Дунае, и в городе дворцов и замков — Вене...

Поглядел Иван Друкарь на книги разные, простые и украшенные, толстые и тонкие... И ещё больше набрался мудрости, обрёл умения и пользы для своего дела.

БУКВАРЬ

*Трампте учится —
всегда пригодится.*

Пословица

В хал в Краков через Львов московский купец и, остановившись на отдых, зашёл к Ивану Москвитину. Тот порадовался — «на чужой стороне рад своей воронушке».

Достал купец из кованого сундучка книгу и похвалился:

— Нерукотворная.

Иван Друкарь и сам увидел, что книга не рукой

Страница
из «Азбуки»
Ивана Фёдорова
(Львов. 1574 г.)

А Б В Г Д Е Ё
 Ж З И К Л М Н О П
 Р С Т У Ф Ц Ч Ш Щ
 Ъ Ы Ь Ъ Ё Ъ
 Ы О А Ѡ
 Ѳ ѳ Ѵ ѵ Ѷ ѷ
 Ѹ ѹ

писана, напечатана. Открыл её посредине, и сразу
 бросились в глаза знакомые буквы-литеры... Обра-
 довался Иван Друкаръ, словно давнего друга встрети-
 л, — ведь книгу печатал его помощник ещё по
 «Апостолу» в Москве — Андроник Невежа, пере-
 бравшийся из боярской Москвы вместе с печатней
 в Александрову слободу. Не пропали книжные се-
 мена, брошенные Иваном в московскую почву. Под-
 нялся хрупкий росток, не сгубили его заморозки,
 будет укореняться в земле, станет когда-нибудь

ꙗко азъ бѣхъ . ꙗко книги
 осмочастныя , сирѣчь
 грамѣматикѣи .

ꙗко азъ .
 бѣхъ . бѣхъ . ѡнъ . къ
 бѣхъши . ты .
 бѣхътъ . тон .
 бѣхъва . мы два .
 бѣхъта . вы два .
 бѣхъмо . ѡмномнози
 бѣхъте . бѣменѣ мнози
 бѣхъ . ꙗкобынѣцыи на
 на глаи , или мы надрѣги .

Наказание розгами
в Древней Руси.
(гравюра В. Фаворского)

Страница из «Азбуки»
Ивана Фёдорова
(г. Львов. 1574 г.)

Украшение
из «Апостола» 1574 г.,
типографская марка
Ивана Фёдорова

могучим деревом. Так и учение — начинается с малого, с буквы, одного слова, а открывает великое.

Радуется Друкарь, и в ночных думах видится ему Москва, сияющая маковками соборов.

Ходят караульщики вдоль кремлёвских стен, а в кельях скрипят перьями писцы. Книги хотя и печатают, но их ещё совсем мало. Меж тем на Волге, Днепре, за Урал-Камнем подрастают малыши — читать они не умеют. Да и как научишься, когда книг нигде нет...

Словно молния, озаряет мысль — надо издать книгу для «скорого младенческого научения», Азбуку, книгу для всех.

Много ещё в руеских, украинских и белорусских землях людей, что глядят в книгу, как слепые, — читать не умеют.

Букварь нужен!

Писать первый Букварь было некому.

И взялся Иван Фёдоров за эту работу сам.

Тщательно писал-рисовал Иван буквы, находил упражнения, примеры, чтобы младенцы учились не только письму — буквам и цифрам, но и добрым делам, хорошим мыслям.

Позаботился Друкарь и о красивых заставках-виньетках.

Книга получалась на славу. А в самом её конце премудрый автор поместил обращение к «возлюбленному русскому народу», советуя всем учить детей грамоте.

Пусть видят все и знают, что Азбука — наука, ребятам — не бука.

Так родился наш первый печатный учебник — Азбука, Букварь.

Пройдёт немного лет — во Львове, Остроге, Вильно, Киеве, Чернигове появится целое семейство всевозможных Азбук, Грамматик и всяких Словарей. Всем им отец — Иван Друкарь. От его Букваря и пошли другие Буквари, что и ныне являются первой книгой каждого из нас.

КАЛЕНДАРЬ

*Земле прекрасно служил
книжек своих изданиями.*

Старинные стихи

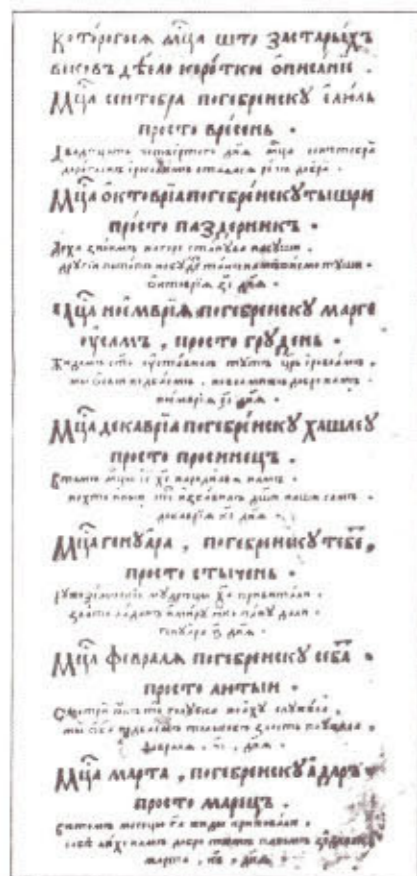
Велегко жилось Фёдорову во Львове, и он был рад, когда князь Константин Острожский — хлебосол и гостелюбец — решил в родовом замке завести печатню.

Быстро собрал Иван типографские пожитки и

перебрался в Острог. Здесь и продолжил неутомимый Друкарь своё печатное дело.

О богатствах замка ходили легенды. Но дорожке бочек с золотыми и серебряными слитками, оружия и конской сбруи, усыпанной жемчугами, была здешняя библиотека, в которой были собраны книги со всей Европы. Встречались здесь и славянские первопечатные книги, изданные в Венеции, Праге, Кракове... С жадностью склонялся над ними Иван

Страница «Хронологии»
Андрея Рымши

Портрет князя К. Острожского

Москвитин, охотно приобщаясь, как в молодости, в Москве, к словесной мудрости. Зрели в душе мечты о новых изданиях.

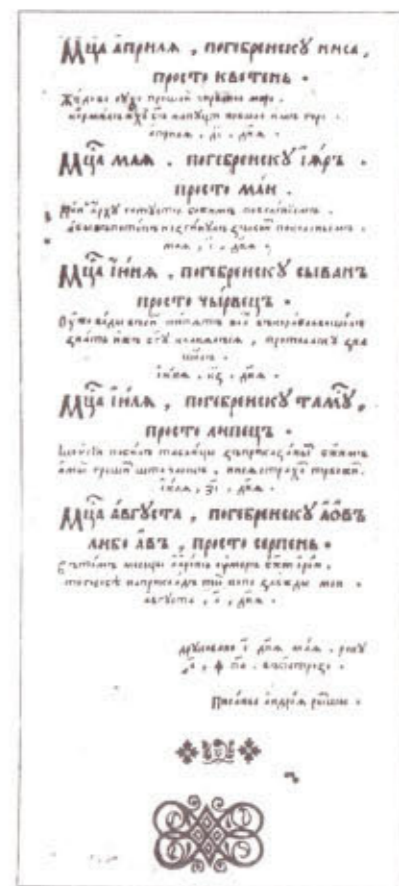
Многое удалось сделать Ивану Фёдорову в Остроге.

Среди других изданий был и Первый русский печатный календарь из скромных листочков, на которых были напечатаны стихи-вирши, посвящённые каждому месяцу.

Герб князя К. Острожского

Страница «Хронологии»
Андрея Рымши

Месяцы были обозначены в календаре на трёх языках, помечены были и даты, которые представлялись наиболее важными.

Стихи для календаря, хронологии, Ивана Фёдорова написал молодой тогда белорусский поэт Андрей Рымша, очевидно, учившийся в Остроге.

Случилось это рождение календаря почти четырёхста лет назад, 5 мая 1581 года. От этого дня и ведут начало наши печатные календари.

Когда ты, читатель, срываешь вечером листок с численника-календаря, то помни о том, что его далёкого-далёкого предка отпечатал Иван Друкарь в Остроге.

ЧУДО ДРУКАРЯ

Не надо забывать,
что под книгой
кроется человек.

Старинное изречение

Радуетя мореход, когда попутный ветер принесёт его корабль к заветному берегу.

Радуетя путешественник, когда вдалеке после долгих скитаний увидит стены родного города.

Радуетя писец, когда заканчивает труд над книгой, которой он посвятил многие годы.

Многое удалось сделать в жизни Ивану Фёдорову. Но, пожалуй, из всех его дел наибольший успех выпал на долю изданной им книги, которая получила наименование Острожской «Библии». Она — самая знаменитая среди других первопечатных славянских книг.

Лучшие библиотеки мира гордятся ею и ныне, как чудом печатного искусства.

Вот лежит она на столе передо мной, напоминающая парусник, переплывший океан. Волны времени оставили свои пометы на страницах, ещё помнящих прикосновения рук Друкаря.

Буквицы из «Библии» Ивана Фёдорова Чем же отличается от других Фёдоровских книг Острожская «Библия»?

В неё первопечатник вложил всё своё умение, мастерство. Всем взяла эта книга — и толщиной (в ней свыше шестисот страниц!), и шрифтами, и заставками, и концовками, и разнообразными орнаментами-узорами... Один иноземный книжник, посмотрев Острожскую «Библию», воскликнул в восторге, что за один лист этой книги он бы отдал всю Англию!

Один из переплётов Острожской «Библии»

Титульный лист
Острожской «Библии»

Восторг современников понятен — никогда ещё славянские книги не печатались с таким мастерством. Только шрифтов было использовано шесть — неслыханное дело и невиданное. Литеры-буквы — красивые, мелкие, убористые.

Часть книг из Острога была послана в Москву, и, видимо, понравились они Ивану Грозному. Царь охотно дарил Острожскую «Библию» знатым иностранцам. Так один экземпляр, как величайшая драгоценность, был подарен Иваном Грозным английскому послу.

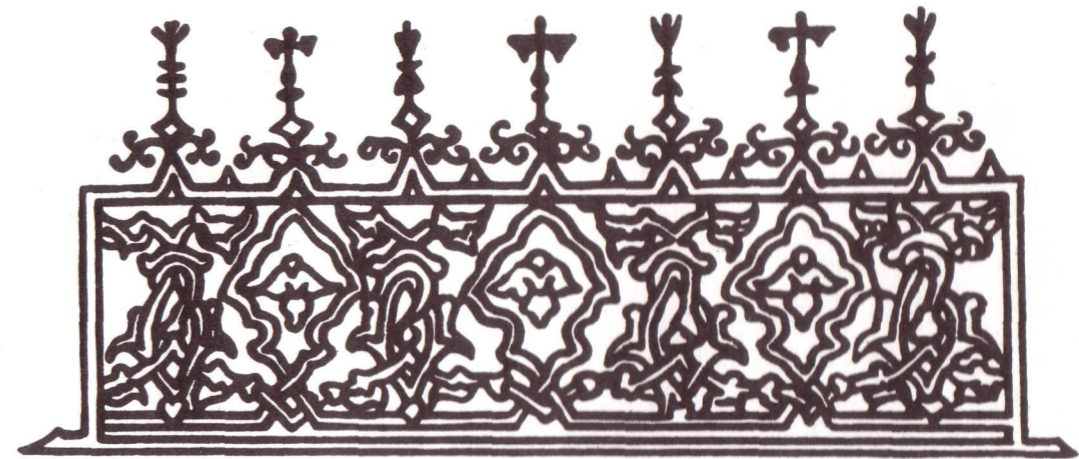
Начальная
страница
из Острожской
«Библии»

В течение нескольких лет Острожская «Библия» разошлась в многочисленные славянские города и монастыри, а также крупные города Европы — в Рим, Париж и Гамбург.

Владельцы берегли её как зеницу ока. Потому большое число экземпляров и дошло до наших дней.

И ныне она своим внушительным видом славит дело рук Друкаря.

СНОВА В МОСКВЕ

*Книга, как птица,
может весь свет облететь...*

Забывшие стихи

Друкарь Иван Фёдоров мечтал завести собственную печатню и выпускать книги, чтобы они вразумляли умеющих читать, слушать. Да бедность была постоянной спутницей Первопечатника.

Но добрая слава — дороже богатства.

Иван Фёдоров умер бедняком, но навсегда прославил себя и свои книги.

На этом месте
была типография
Ивана Фёдорова
(г. Москва,
ул. 25 Октября)

Мемориальная доска
с указанием,
что на этом месте
находилась
типография
Ивана Фёдорова

Друкарь щедро рассыпал по свету, дали могучие
всходы.

Каждая книга напоминает нам о Москвитине.
Москва навсегда сохранила память о Первопе-
чатнике, навсегда оставила в своём городе про-
славленного мастера...

Стоит в центре Москвы памятник Ивану Фёдо-
рову, на зелёном московском холме, на высоком
чёрном с голубоватыми искрами камне...

Не утихает до ночи говор людской...
Вглядываются, проходя, люди и вспоминают
слова:

**ДРУКАРЬ КНИГ,
ПРЕД ТЕМ НЕВИДАННЫХ**

Довелось вернуться Первопечатнику в Моско-
вию, книги его теперь знает вся Земля.

ПАМЯТЬ

*Уважение к минувшему —
вот черта, отличающая
образованность от дикости...*

А. Пушкин

Видел ли ты, юный читатель, костёр на берегу реки? Весело полыхает пламя, прогоняя ночную тьму. Лишь начнёт огонь опадать, как заботливые руки подкидывают в него вязанку хвороста, и всё светлеет вокруг... Так и память о том, что минуло. Люди не забыли Первопечатника. Каждая книга, пришедшая к нам сегодня, напоминает об Иване Друкаре. Слава его подобна огню, который никогда не гаснет.

Всю жизнь, захватив из Москвы шрифты и печатные доски, скитаясь по дорогам, живя в городах, сёлах и замках, Иван Фёдоров создавал книги. И обучал он этому великому делу родных, близких, молодых и пожилых людей. Были у первого типографа ученики на московском Печатном дворе. Обучал он хитрому искусству и находясь в землях Великого княжества Литовского.

В наши дни учёные, внимательно разглядывая старинные книги, обнаружили, что печатные доски, которые возил с собою Иван Фёдоров, долго использовались в типографиях. С них делали оттиски спустя даже двести лет. Но ещё долговечнее его печатных форм оказались его ученики. Они работали сами и обучали других. Потом учителя обучали других учителей — так из поколения в поколение передавался Книжный свет.

Когда Иван Фёдоров в последний раз побывал на Кремлёвском холме, Москва уже умела печатать книги. Верный путь был проложен. И когда мы берём в руки издание, отпечатанное в семнадцатом столетии, то — будем помнить — перед нами творение тех, кто пошёл по следам Первопечатника.

А прекрасные книги, украшенные затейливыми заставками и чёткими рисунками, вышедшие из украинских и белорусских типографий, разве они не поют — из века в век — славу неутомимому Друкарю?

...Есть на берегах Невы, в современном Ленинграде, типография, книги которой расходятся по

многим странам. Особенно хорошо получаются здесь альбомы, посвящённые искусству. Откроем толстую книгу и залюбуемся красками великих художников — Репина, Сурикова, Кустодиева, великих западно-европейских мастеров, увидим контуры и силуэты ближних и дальних городов. Всё влечёт и манит к себе, заставляет радоваться, стремиться узнавать и познавать... Кто выпустил прекрасную книгу? Кто работает в типографии? Мастера первой руки говорят с гордостью:

— Нам ли не стараться — ведь наша типография имя Ивана Фёдорова, прославленного Первопечатника носит.

Так и живёт сегодня среди нас Иван Фёдоров.

Печатный знак Ивана Фёдорова

Оглавление

К ЧИТАТЕЛЮ	6
СЛОВО В ЖЕМЧУГАХ	9
МОСКВА ДУМУ ДУМАЕТ	15
ПЕРВЫЕ ТИПОГРАФЫ	23
ЗАБОТА ГОСУДАРСТВЕННАЯ	33
ИВАН ФЁДОРОВ	37
НАЧАЛО	45
НЕСПОКОЙНОЕ ЖИТЬЕ	53
ДРУКАРЬ ИЗ МОСКОВИИ	61
БУКВАРЬ	69
КАЛЕНДАРЬ	75
ЧУДО ДРУКАРЯ	79
СНОВА В МОСКВЕ	85
ПАМЯТЬ	91

Для младшего школьного возраста

Евгений Иванович Осетров

СКАЗ О ДРУКАРЕ ИВАНЕ И ЕГО КНИГАХ

Оформление и макет
художника В. В. Перцова

Под научной редакцией
Действительного члена АН СССР
профессора А. А. Сидорова

Консультант по иллюстративному материалу
научный сотрудник
отдела редких книг Государственной Библиотеки
им. В. И. Ленина
Ю. А. Л а б ы н ц е в

ИБ № 1254

Редактор О. С. Лебедев
Художественный редактор Д. Ф. Пчёлкина
Технический редактор О. Б. Кистерская
Корректор С. С. Бланкштейн

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.11.80. 84X90/16. Бум. офс.
№ 1. Гарн. журн.-рубл. Печать офсет. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 6,05. Ти-
раж 50 000 экз. Изд. № 1211. Зак. № 918. Цена 95 коп. Издательство «Малыш»,
Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Калининский ордена Трудового Красного
Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглав-
полиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

